

## Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре)

**А.В. БАКИНА\***,  
ФГБОУ ВО АмГППУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,  
bakina\_anna@mail.ru

**О.А. ОРЛОВА\*\***,  
ФГБОУ ВО АмГППУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,  
olga\_shishmareva@mail.ru

**С.В. ЯРЕМЧУК\*\*\***,  
ФГБОУ ВО АмГППУ, Комсомольск-на-Амуре, Россия,  
svj@rambler.ru

*Статья посвящена исследованию миграционных намерений молодежи города Комсомольска-на-Амуре. В исследовании проверялись две гипотезы: 1) различия между группами молодежи с разной миграционной активностью будут проявляться в рассогласовании между ценностями и их доступностью, а также в уровне субъективного благополучия; 2) компоненты ценностно-смысловой сферы выступают предикторами миграционных намерений молодежи. В выборку вошли 130 испытуемых в возрасте 16–25 лет (средний возраст — 23,1 года). Для изучения ценностно-смысловой сферы использовались методики «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой и «Индекс персонального благополучия». Результаты исследования показали, что 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% — намерены уехать из города. Пошаговый регрессионный анализ*

### Для цитаты:

Бакина А.В., Орлова О.А., Яремчук С.В. Компоненты ценностно-смысловой сферы личности как предикторы миграционных намерений молодежи (на примере города Комсомольска-на-Амуре) // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10. № 2. С. 95–113. doi:10.17759/sps.2019100208

\* Бакина Анна Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГППУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, bakina\_anna@mail.ru

\*\* Орлова Ольга Александровна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГППУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, olga\_shishmareva@mail.ru

\*\*\* Яремчук Светлана Владимировна — кандидат психологических наук, доцент, Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет (ФГБОУ ВО АмГППУ), Комсомольск-на-Амуре, Россия, svj@rambler.ru

*позволил выделить объяснительные модели, предсказывающие миграционную активность молодежи. Субъективное благополучие является наиболее значимым предиктором миграционных намерений (28% дисперсии). На втором месте оказалась острота расогласования между важностью ценностей и их субъективной доступностью (26% дисперсии).*

**Ключевые слова:** миграционные намерения, субъективное благополучие, ценности, внутриличностный конфликт, молодежь.

## Введение

В современном глобализирующемся мире особенно остро стоит вопрос о человеческом ресурсе, поэтому изучение предикторов миграции молодежи представляется актуальной исследовательской задачей. Об особенностях миграционных процессов в мировом масштабе можно судить по данным Организации Объединенных Наций (ООН): 3,4% от общей численности населения планеты (или более 200 млн. чел.) являются международными мигрантами, и почти каждый шестой житель планеты (около 1 млрд. человек) является внутренним мигрантом [25]. Эксперты Статистической службы Европейского союза считают, что за последние 50 лет масштабы миграции выросли более чем в 2,5 раза.

По оценке Российской статистической службы, уровень миграции в России является очень высоким, количество мигрантов составляет 4 135 906 человек, из них 353 233 человек международных мигрантов [8]. Российская Федерация входит в пятерку стран с самыми высокими показателями международной миграции. Анализ социально-демографических особенностей мигрантов показал, что миграция носит преимущественно молодежный профиль — вероятность миграции уменьшается с возрастом [17; 18; 22; 24; 28; 31].

Изучение детерминант миграции осуществляется за рубежом как среди людей,

имеющих намерение переехать в другое место, так и среди тех, кто осуществил эти намерения. Вместе с тем последние исследования показывают, что намерения сами по себе являются эффективным предиктором миграционного поведения людей [20], в связи с чем миграционные намерения и миграционное поведение могут быть объединены общим термином «миграционная активность». В современной отечественной науке имеется большое количество работ, посвященных проблемам миграции: изучаются факторы миграции и их группы; исследуются мотивы миграционного поведения и выделяются их виды; изучается качество жизни населения и миграционные процессы; определяются условия и специфика социально-психологической адаптации вынужденных мигрантов; выделяются неблагоприятные миграционные и конфликтогенные социально-психологические факторы; исследуются особенности международной миграции.

Литература, посвященная изучению причин миграционной активности, сконцентрирована в большей степени на изучении экономических предикторов и построении экономических моделей миграционных процессов, основанных на экономическом благополучии районов, разнице в экономических возможностях между разными странами и районами, доходами населения в разных регионах. Однако исследования последних лет

показывают, что гораздо большая доля миграционных процессов объясняется психологическими причинами, нежели экономическими, так как люди могут оставаться даже в регионах с низким уровнем дохода и уезжать из экономически благополучных мест.

К поиску нового места жительства их побуждает невозможность реализации собственных мотивов, что отражается в снижении субъективного благополучия. Взаимосвязь неудовлетворенности жизнью и отдельными ее сферами с миграционными намерениями людей неоднократно обнаруживалась в зарубежных исследованиях разных стран [19; 28; 29; 30]. Миграция при этом рассматривается как способ восстановления субъективного благополучия человека. Однако обнаружено также и то, что в результате смены места жительства субъективное благополучие мигрантов остается ниже среднего, поскольку мигранты не могут предвидеть, что их потребности будут расти, когда они начнут сравнивать себя с местными жителями, что вновь приведет к нарушению баланса между ценностями и мотивами человека и возможностями их удовлетворения [19; 23; 27]. Привязанность к месту жительства, в свою очередь, является фактором, сдерживающим миграционную активность населения [21].

В отечественной науке понимание миграционных процессов также претерпело существенные изменения. Субъективные факторы стали рассматриваться как основные движущие силы миграционных процессов, поскольку даже мощные социально-экономические факторы по-разному субъективируются и далеко не всегда рождают миграционные намерения [2; 3; 5]. Признается также положение, что взаимодействие среды с потребностями

опосредовано сознанием субъекта: прежде чем совершить действие, человек проходит длительный процесс, в котором формируются мотивы, лежащие в основе миграционных намерений. На признании этих положений строятся различные схемы механизма формирования и регуляции любого вида социального поведения. Готовность личности к определенным действиям, как отмечает В.А. Ядов, называется по-разному: жизненной позицией, направленностью интересов, ценностной ориентацией, социальной установкой, субъективным отношением, доминирующей мотивацией и т.д. Все эти понятия характеризуют фиксированные в социальном опыте предрасположенности воспринимать и оценивать условия действительности, а также действовать в этих условиях определенным образом [15]. Поэтому В.И. Переведенцев, А.У. Хомра, В.М. Моисеенко и др. говорят о необходимости в первую очередь изучать связь между принятием решения о миграции и стремлением удовлетворить потребности. По мнению В.М. Моисеенко, повышение уровня образования, культуры означает расширение потребностей, а их неполная удовлетворенность оказывает влияние на принятие решения о миграции [7]. А.У. Хомра считает, что противоречия между реальными потребностями и степенью их удовлетворения порождают новую специфическую потребность — в миграции [12]. В исследовании С.А. Кузнецовой и А.О. Ореховой обнаружено, что микро- и макросоциальные условия, в которых происходит личностное развитие, оказывают влияние на формирование миграционных намерений [6].

Т.И. Заславская и ее ученики отметили, что в идентичных внешних условиях разные индивиды по-разному оценивают целесообразность миграции [4]. Это за-

висит от особенностей личности, структуры ее интересов и ценностей, потребностей и установок, предполагающих неодинаковое значение разных сторон, условий жизни и отношение к ним. Те особенности личности индивидов, которые в одних и тех же условиях приводят к дифференциации принимаемых решений, можно рассматривать в качестве субъективных факторов миграции.

В исследованиях Р.М. Шамионова было показано, что субъектная позиция личности в большей степени способствует формированию субъективного благополучия. Ограничение субъектной позиции ведет к двум следствиям, касающимся субъективного благополучия: прямому, заключающемуся в снижении субъективного благополучия от сознания (рефлексии) неспособности проявления активности в широком контексте; и к косвенному, заключающемуся в неудовлетворенности результатами своей деятельности, отношений и т.п. [1; 13; 14].

Краткий анализ исследований в области миграционного поведения позволил сделать следующие выводы: миграция представляет собой деятельность, выступающую одним из средств удовлетворения потребностей человека; миграция связана не с осознанием необходимости в ней как таковой, а с тем, что удовлетворение потребностей субъекта становится возможным только в случае смены места жительства. Поэтому миграция как форма социального поведения и вид социальной активности напрямую связана с критериями субъективного благополучия личности. В основе миграционной активности лежат взаимосвязи объективных и субъективных факторов, а формирование миграционных намерений зависит, с одной стороны, от внешних стимулов (требования производства,

территориальные различия в уровне жизни населения, климатические, географические и др.), с другой — от особенностей индивида.

## Эмпирическое исследование

*Целью* исследования является изучение различий ценностно-смысловых конструктов и удовлетворенности разными жизненными сферами у молодежи с разными миграционными намерениями. В своем исследовании мы проверяли следующие *гипотезы*: 1) различия между группами молодежи с разной миграционной активностью будут проявляться в рассогласовании между ценностями и их доступностью, а также в уровне субъективного благополучия; 2) компоненты ценностно-смысловой сферы выступают предикторами миграционных намерений молодежи.

*Выборка.* В исследовании приняли участие 130 респондентов в возрасте 16—25 лет (средний возраст — 23,1 года), жители г. Комсомольска-на-Амуре. Исследование проходило в 2016—2017 годах.

На первом этапе исследования с помощью анкеты были изучены миграционные намерения молодежи г. Комсомольска-на-Амуре. С целью получения объективной информации и снятия психологического напряжения обследование проводилось анонимно. Для изучения миграционных намерений респондентам было предложено ответить на прямой вопрос: «Собираетесь ли Вы уезжать из города?». В зависимости от ответа все респонденты были разделены на три группы, условно обозначенные нами как «патриоты» (не собираются менять место жительства), «антипатриоты» (намерены уехать из города) и «прагма-

тики» (указали, что могут уехать при определенных условиях).

На втором этапе исследования изучались особенности ценностно-смысловой сферы личности в выделенных группах.

Для изучения ценностно-смысловой сферы у молодежи нами была использована методика «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой [10; 11], позволяющая обнаружить субъективную значимость ценностей, их доступности в сознании человека и разрыв между значимостью конкретной личностной сферы и ее субъективной доступностью.

Для определения степени расхождения испытуемым предлагался упрощенный вариант методики, в котором оценка ценности и доступности осуществлялась методом субъективных оценок по 10-бальной шкале. В методике Е.Б. Фанталовой оцениваются 12 жизненных сфер в соответствии с терминальными ценностями, выделенными М. Рокичем: активная, деятельная жизнь; физическое и психическое здоровье; интересная работа; красота природы и искусства; любовь; материально обеспеченная жизнь; наличие хороших и верных друзей; уверенность в себе; познание; свобода как независимость в поступках и действиях; счастливая семейная жизнь; творчество.

Одним из компонентов ценностно-смысловой сферы личности выступает субъективное благополучие, являясь интегральной обобщенной оценкой соответствия жизни личности ее основным ценностно-смысловым ориентирам [16]. Для оценки субъективного благополучия жизни молодежи была использована методика «Индекс персонального благополучия» [26] в переводе Е. Углановой и

модифицированная кафедрой психологии образования ФГБОУ ВО АмГПУ методика удовлетворенности жизнью в городе. Изменения коснулись индекса удовлетворенности жизнью в стране: в стандартных шкалах изменена формулировка «Удовлетворенность жизнью в России» на «Удовлетворенность жизнью в городе».

Значимость различий между выборками определялась с помощью критерия Манна-Уитни с использованием программы STATISTICA 10.

На третьем этапе для выявления предикторов миграционных намерений молодежи использовалась множественная пошаговая регрессия с включением переменных, которая вычислялась с использованием программы STATISTICA 10. При осуществлении статистического анализа использовалась порядковая шкала оценки миграционных намерений молодежи: 0 — отсутствие миграционных намерений, 1 — допускают возможность переезда при определенных условиях, 2 — имеют однозначные миграционные намерения.

## Результаты исследования и их обсуждение

**Миграционные намерения молодежи города.** Результаты исследования показали, что 26% молодых людей не собираются менять место жительства, 22% респондентов заявили, что намерены уехать из города, 52% молодежи указали, что могут уехать при определенных условиях. Результаты схожи с данными Е.П. Сигаревой и С.Ю. Сивоплясовой, полученными на молодежной выборке. В процессе опроса молодежи о миграционных намерениях они выявили три группы респондентов: «прагматики»,

«патриоты» и «антипатриоты». Опрос зафиксировал, что в общей совокупности респондентов значительную часть составляют «прагматики», то есть те, чьи намерения не связаны с определенной территорией, а обусловлены наличием благоприятных условий [9]. Большая часть (52%) молодых комсомольчан также входят в условную группу «прагматиков», т.е. они не исключают возможности своей жизни в городе.

**Ценностно-смысловая ориентация молодежи с разными миграционными установками.** Результаты исследования по методике «Уровень соотношения «ценности» и «доступности» в различных жизненных сферах» Е.Б. Фанталовой представлены в табл. 1, 2 и на рисунке.

Для всех групп молодежи наиболее значимы такие ценности, как наличие

хороших и верных друзей, счастливая семейная жизнь, любовь, творчество и познание, и наименее ценна активная деятельная жизнь. Однако статистический анализ с помощью критерия Манна–Уитни не выявил достоверных различий в значимости ценностей молодежи, кроме параметра «Активная деятельная жизнь». Данная ценность наиболее важна для молодежи, которая хочет остаться или не определилась со своими намерениями.

Наименее доступными ценностями, по мнению «антипатриотов», являются красота природы и искусства, материально обеспеченная жизнь, свобода и интересная работа. Значимость различий в степени доступности ценностей была обнаружена нами между молодежью всех трех групп. Для «антипатриотов»,

Таблица 1  
Средние значения ценностей (Ц) и их доступности (Д) у молодежи с разными миграционными намерениями

Ценности	Средние значения (М)					
	«Антипатриоты» (1)		«Патриоты» (2)		«Прагматики» (3)	
	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность
Активная деятельная жизнь	5,9	7,8	8,2	7,2	8,2	6,5
Здоровье	8,6	6,6	8,9	6,9	9,1	6,1
Интересная работа	8,6	6,3	8,7	6,6	8,4	5,1
Красота	7,9	5,2	7,8	7,5	8,6	6,5
Любовь	9,1	6,6	9,3	8,3	8,9	7,8
Материально обеспеченная жизнь	8,5	5,4	9,3	7,2	8,7	6,4
Наличие хороших и верных друзей	9,4	6,6	9,2	7,8	9,0	7,5
Уверенность в себе	8,3	6,8	8,8	7,4	8,8	7,3
Познание	8,9	7,2	8,5	7,9	8,8	7,6
Свобода	8,4	6,3	8,3	11,3	8,7	6,5
Счастливая семейная жизнь	9,3	6,6	9,6	8,4	9,5	7,7
Творчество	9,0	6,9	7,8	7,5	8,0	6,7

по сравнению с молодежью двух других групп, наименее доступными являются счастливая семейная жизнь ( $p \leq 0,05$ ) и красота природы и искусства ( $p \leq 0,001$ ), по сравнению с «патриотами» — материально обеспеченная жизнь ( $p \leq 0,001$ ), а по сравнению с «прагматиками» — им более доступны активная деятельная жизнь и интересная работа.

Представляет интерес сопоставление данных «патриотов» и «прагматиков». Молодежь, которая хочет остаться в городе, значимо в большей степени считает доступными для себя свободу, интересную работу и материально обеспеченную жизнь ( $p \leq 0,05$ ).

Общая сумма рассогласований между ценностью и доступностью в различных жизненных сферах у молодежи, имею-

щей установку уехать из города, в 2 раза превышает эту сумму у молодежи, не желающей уезжать, и в полтора раза — у неопределившейся молодежи. Результаты рассогласования по всем параметрам представлены на рисунке.

Анализ различий в степени рассогласования между ценностями и их доступностью показал наличие многочисленных достоверных различий: у «антипатриотов» наиболее сильное рассогласование между ценностями и возможностями ( $M=3,7$ ), менее сильное — у «прагматиков» ( $M=2,8$ ) и наименьшее рассогласование — у «патриотов» ( $M=1,8$ ). Молодежь, которая имеет миграционные установки, по сравнению с молодежью второй и третьей групп, в большей степени испытывает рассогла-

Таблица 2  
Различия в значимости ценностей (Ц) и их доступности (Д) между «патриотами», «антипатриотами» и «прагматиками»

Ценности	Значение U-критерия					
	между 1 и 2		между 1 и 3		между 2 и 3	
	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность	Ценность	Доступность
Активная деятельная жизнь	<b>70,0*</b>	373,0	<b>150,0*</b>	<b>710,0*</b>	201,0	667,0
Здоровье	405,0	383,0	1002,0	868,0	742,5	640,5
Интересная работа	402,5	397,5	922,5	<b>686,5*</b>	772,0	<b>493,5*</b>
Красота	396,0	234,0**	842,5	<b>718,0*</b>	641,0	611,0
Любовь	405,5	300,5	862,0	713,5	722,5	703,0
Материально обеспеченная жизнь	373,5	<b>235,0**</b>	922,5	885,5	651,5	<b>500,5*</b>
Наличие хороших и верных друзей	328,0	320,0	814,0	777,5	769,5	715,0
Уверенность в себе	393,5	389,0	887,0	901,0	770,0	743,0
Познание	305,5	317,5	811,0	844,5	656,5	730,5
Свобода	370,5	<b>280,0*</b>	901,5	927,0	670,5	<b>517,0*</b>
Счастливая семейная жизнь	399,0	<b>263,0*</b>	963,5	<b>700,0*</b>	747,5	713,5
Творчество	287,5	342,0	850,5	973,5	666,5	684,5

Примечание. \* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,05$ ); \*\* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,01$ ).

сование между ценностями и их доступностью в следующих сферах: «любовь» ( $p=0,01$ ), «дружба» ( $p=0,02$ ), «познание» ( $p=0,02$ ), «счастливая семейная жизнь» ( $p=0,01$ ) и «красота природы и искусства» ( $p=0,01$ ), а по сравнению с молодежью второй группы – в сферах «здоровье», «интересная работа», «материально обеспеченная жизнь», «свобода», «творчество». Можно отметить наибольший внутриличностный конфликт у «прагматиков» в сфере материальной обеспеченности, что еще раз подчеркивает значимость для этой категории молодежи материальных ценностей.

Таким образом, ценностные ориентации у всех групп молодежи примерно одинаковые, однако реализуемость этих ценностей они оценивают по-разному.

«Патриоты» считают, что могут выбрать свое будущее, осуществлять активную жизнь, иметь интересную работу и материальную обеспеченность в условиях родного города, «антипатриоты» не видят возможности свободно строить свою жизнь, иметь материальный достаток и интересную работу в условиях города. Рассогласование между ценностями и их доступностью у «антипатриотов» значимо больше в десяти сферах, что говорит о выраженном внутриличностном конфликте и стремлении его разрешить посредством смены места жительства.

**Субъективное благополучие молодежи с разными миграционными намерениями.** Результаты исследования удовлетворенности жизнью в городе и

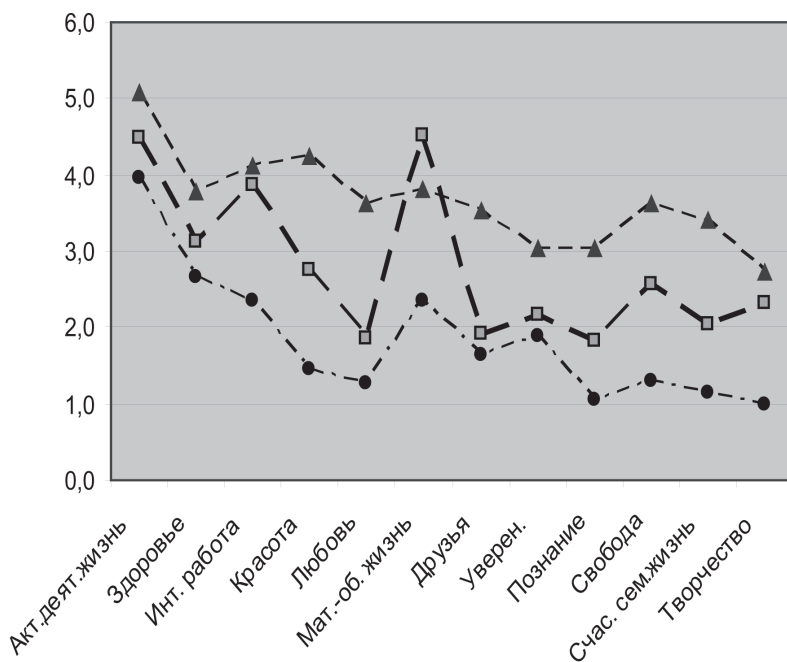


Рис. Общая сумма рассогласований между ценностью и доступностью в различных жизненных сферах у молодых людей: —▲— — «антипатриоты»; —●— — «патриоты»; —■— — «прагматики»



персонального благополучия молодежи представлены в табл. 3 и 4.

Анализ полученных результатов показывает, что «патриоты» имеют значимые различия с «антипатриотами» практически по всем показателям (кроме оценки деятельности администрации города): молодежь, желающая остаться в городе, более удовлетворена всеми предложенными аспектами жизни в городе. «Прагматики» имеют значимое различие только по одному показателю с «патриотами» — оценке состояния природной среды: молодежь, желающая жить в городе, природные условия оценивает как более благоприятные. Сравнение показателей «прагматиков» с «антипатриотами» выявило значимо меньшую степень удовлетворенности по всем параметрам, кроме оценки уровня доходов и деятельности администрации города, у молодежи, желающей уехать из города. Все

группы молодежи проявили единодушие в низкой удовлетворенности деятельностью администрации города, по остальным параметрам уровень удовлетворенности значительно отличается.

Таким образом, «патриоты» в целом удовлетворены жизнью в городе, они счастливы и чувствуют себя в безопасности, их устраивают экономическая (в том числе и уровень доходов), социальная (в том числе и безопасность) и экологическая ситуации. «Прагматики» также удовлетворены жизнью в городе в целом, счастливы и чувствуют себя в безопасности, но, в отличие от предыдущей группы, они не удовлетворены уровнем своих доходов (возможно, это и заставляет их задуматься о переезде). «Антипатриоты» в целом не удовлетворены жизнью в городе (их средние показатели не превышают 4 баллов, кроме оценки уровня счастья), особенно их не устраивают эко-

Таблица 3  
Средние показатели удовлетворенности жизнью в городе по разным группам молодежи и их сравнительная характеристика

Показатели удовлетворенности	Средние показатели по группам			Значение коэффициента Манна–Уитни (U)		
	«Антипатриоты» (1)	«Патриоты» (2)	«Прагматики» (3)	между 1 и 2	между 1 и 3	между 2 и 3
Жизнью в Комсомольске	3,2	6,1	5,5	215,5**	546,5**	781,0
Экономической ситуацией в Комсомольске	2,5	4,7	4,2	241,5**	692,0**	806,0
Состоянием природной среды в Комсомольске	3,0	5,3	4,1	244,0**	841,5**	673,5**
Социальной обстановкой в Комсомольске	2,6	5,2	4,6	202,5**	577,0*	797,5
Деятельностью администрации Комсомольска	2,7	3,9	3,4	364,0	962,0	874,5
Уровнем безопасности	3,0	5,1	5,1	219,0**	586,0**	954,5
Своими доходами	3,5	5,1	4,3	353,5*	949,5	827,5
Уровень счастья	5,4	6,9	7,5	363,0*	724,5*	907,0

Примечание. \* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,05$ ); \*\* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,01$ ).

номическая и социальная ситуации, достаточно низко они оценивают уровень своих доходов, безопасности и местные природные условия.

Аналогичным образом выглядят результаты по персональному благополучию (табл. 4). Практически по всем параметрам персонального благополучия средние показатели группы «патриотов» выше аналогичных у групп «прагматиков» и «антипатриотов».

Наибольшее количество значимых различий выявлено при сравнении показателей «антипатриотов» с другими группами. «Антипатриоты» имеют значимо более низкие показатели по всем шкалам в сравнении с «патриотами», кроме одной — уверенности в своем будущем; а в сравнении с группой «прагматиков» — к уже указанной шкале добавились показатели удовлетворенности своими достижениями и своими взаимоотношениями с соседями. Показатели

персонального благополучия у «патриотов» в сравнении с «прагматиками» значимо выше по шкалам «Удовлетворенность здоровьем» и «Удовлетворенность уровнем достижений».

Итак, оценка персонального благополучия показала, что «патриоты» и «прагматики» имеют значимо более высокий уровень удовлетворенности в отличие от «антипатриотов». Характеризуя их субъективное благополучие, можно констатировать, что группа «патриотов» удовлетворена жизнью в целом, межличностными отношениями и своим здоровьем, они высоко оценивают свои достижения, уровень своей жизни и личную безопасность. Самым низким показателем для группы «патриотов» является степень уверенности в своем будущем, по данной шкале не было обнаружено значимых различий между всеми представленными группами. Данный факт, скорее всего,

Таблица 4

**Средние показатели персонального благополучия по разным группам молодежи и их сравнительная характеристика**

Показатели удовлетворенности	Средние показатели по группам			Значение коэффициента Манна–Уитни (U)		
	«Антипатриоты» (1)	«Патриоты» (2)	«Прагматики» (3)	между 1 и 2	между 1 и 3	между 2 и 3
Жизнью в целом	6,1	7,2	7	342,5*	860,5*	885,0
Здоровьем	5,2	7,4	6,4	232,5**	784,0*	699,0*
Уровнем жизни	5,4	7,1	6,4	259,5**	834,5**	794,0
Достижениями в жизни	5,6	7,2	6,3	276,0**	923,0	705,5*
Взаимоотношениями с близкими людьми	6,4	7,6	7,5	351,5*	842,5*	970,0
Уровнем личной безопасности	5,5	7,0	7,2	326,0**	688,5*	959,5
Отношениями с соседями	4,7	6,6	6,0	330,5*	911,0	879,0
Уверенность в будущем	5,4	6,5	6,3	378,0	926,0	926,0

*Примечание.* \* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,05$ ); \*\* — значимые различия между выборками по критерию Манна–Уитни (для  $p \leq 0,01$ ).

связан с возрастной спецификой социальной ситуации развития молодежи: необходимость решать проблемы профессионального и личного самоопределения, примеряя на себя разнообразные модели поведения и жизненные роли. При этом они чувствуют, что от правильности этого выбора зависит их дальнейшая жизнь. Эта позиция ставит перед молодыми людьми проблему личной ответственности, что повышает до максимума градус неопределенности — «бояться и хотеть». Показатели персонального благополучия молодежи из группы «прагматиков» значимо более низкие по шкалам здоровья и достижения в жизни, в отличие от группы «патриотов». Скорее всего, для «прагматиков» успех и личные достижения имеют большую ценность, и они не видят возможности для их реализации, что создает дополнительную мотивацию к миграции. Группа «антипатриотов» по всем параметрам персонального благополучия имеет более низкие показатели, чем две предыдущие группы.

**Предикторы миграционной активности молодежи.** Результаты регрессионного анализа показывают, что изучаемые предикторы миграционных установок предсказываются различными аспектами эмоционально-ценностной сферы личности молодежи (табл. 5).

Использование пошагового регрессионного анализа позволяет выделить пять объяснительных моделей, в разной степени предсказывающих миграционную активность молодежи. Проверка адекватности моделей осуществлялась на основе F-критерия Фишера, все модели демонстрируют достаточную адекватность.

Регрессионная модель, оценивающая вклад важности жизненных цен-

ностей, позволяет предсказать 17% варьирования интенсивности миграционной активности с помощью одновременного действия пяти переменных, из которых наибольшее значение имеют активная деятельная жизнь ( $\beta=-0,27$ ) и здоровье ( $\beta=-0,26$ ). Значения переменных и регрессионных коэффициентов указывают на то, что вероятность миграционной активности возрастает в случае, если личность не считает значимыми для себя в данный период жизни активную жизнь, здоровье и любовь, а ориентирована на творчество и интересную работу.

Регрессионный анализ доступности ценностей для молодых людей показал более высокую объяснительную силу (23%) данной модели в прогнозировании миграционной активности. Переменные, входящие в модель, свидетельствуют о том, что желание уехать из родного города увеличивается, если молодежь считает не достижимыми в данных условиях реализацию потребностей в красоте, счастливой семейной жизни, свободе и познании. Доступность активной деятельной жизни и творчества не является для них сдерживающим фактором, лишь усиливая их намерения к смене места жительства. Возможно, это связано с их убежденностью в том, что они способны реализовать эту ценность в любых условиях.

Высокую объяснительную силу (26% дисперсии) для миграционной активности молодежи имеет рассогласование ценностей и их доступности. В эту модель входят 4 переменные, имеющие высокий уровень значимости: красота ( $\beta=0,24$ ), познание ( $\beta=0,18$ ), свобода ( $\beta=0,10$ ), а также общий уровень рассогласования ( $\beta=0,14$ ). Степень рассогласования указывает на силу внутрилличностного кон-

**Результаты пошагового регрессионного анализа предикторов миграционных установок молодежи**

Предикторы	$\beta$	p	R <sup>2</sup>	Адекватность модели
<b>Ценности</b>				
Активная деятельная жизнь	-0,27	0,06	0,17	F=2,2901, при уровне значимости p<0,04007
Любовь	-0,14	0,32		
Творчество	0,16	0,23		
Здоровье	-0,26	0,13		
Интересная работа	0,16	0,32		
<b>Доступность ценностей</b>				
Красота природы и искусства	-0,33	0,00	0,23	F=4,9162, при уровне значимости p<0,00018
Счастливая семейная жизнь	-0,26	0,01		
Активная деятельная жизнь	0,22	0,02		
Свобода	-0,16	0,07		
Творчество	0,16	0,13		
Познание	-0,11	0,27		
<b>Рассогласование ценностей и их доступности</b>				
Красота природы и искусства	0,24	0,01	0,26	F=8,6759, при уровне значимости p<0,00001
Познание	0,18	0,08		
Общая сумма рассогласования	0,14	0,26		
Свобода	0,10	0,32		
<b>Субъективное благополучие</b>				
Удовлетворенность жизнью в Комсомольске-на-Амуре	-0,41	0,00	0,28	F=9,2523, при уровне значимости p<0,00001
Удовлетворенность состоянием природной среды в Комсомольске-на-Амуре	-0,14	0,16		
Удовлетворенность своим здоровьем	-0,16	0,12		
Удовлетворенность своей жизнью в целом	0,19	0,09		
Удовлетворенность своими взаимоотношениями с близкими людьми	-0,10	0,30		

*Примечание.*  $\beta$  – стандартизированный регрессионный коэффициент; p – уровень статистической значимости; R<sup>2</sup> – коэффициент множественной детерминации.

фликта в данных сферах. Субъективная недостижимость значимых для человека ценностей (красоты, познания, свободы) позволяет спрогнозировать миграционную активность молодежи.

Самой высокой прогностической способностью (28% дисперсии) обладает модель предикции миграционных установок субъективным благополучием, включаю-

щая в себя 5 переменных: удовлетворенность жизнью в городе ( $\beta=-0,41$ ) и жизнью в целом ( $\beta=0,19$ ), состоянием природы ( $\beta=-0,14$ ), своим здоровьем ( $\beta=-0,16$ ) и взаимоотношениями ( $\beta=-0,10$ ). Исследование удовлетворенности жизнью в городе и персонального благополучия подтвердило, что снижение субъективного благополучия побуждает молодежь ис-

вать способы его повышения. Миграция в данном контексте может рассматриваться как способ восстановления субъективного благополучия.

Обобщая данные регрессионного анализа, можно заключить, что в наибольшей степени предсказывают миграционную активность молодежи субъективная доступность значимых ценностей, несогласованность ценностей и их доступности, а также уровень субъективного благополучия. Чем меньше человек видит возможностей для реализации собственных ценностей и чем выше уровень несогласования между значимостью ценностей и их доступностью, ниже уровень субъективного благополучия, тем выше миграционная активность молодежи.

Высокая значимость для молодого человека интересной работы с возможностью реализовать свою активность через неординарные способности в творчестве с одновременно острым несогласованием в «значимости» и «доступности» ценностей познания, свободы и красоты приводит к снижению уровня субъективной удовлетворенности. Стремление к самосовершенствованию, возможность проявить свои творческие способности, получить свободу в сфере профессиональных интересов, семейной жизни не приносят молодым людям удовлетворения своим настоящим, усиливая миграционные намерения молодежи. Напротив, небольшое число внутриличностных ценностных конфликтов при высокой значимости и возможности реализовать семейное благополучие, основанное на взаимопонимании и любви, с более низкой значимостью творчества и интересной работы позволяет молодым людям чувствовать себя более удовлетворенными своим настоящим. Эти особенности ценностно-смысловой сферы личности

являются сдерживающими факторами миграционной активности молодежи.

Исследование миграционной активности молодежи обнаружило, что субъективная невозможность реализации своих ценностей ведет к снижению субъективного благополучия от осознания неспособности проявления активности в широком контексте. Это состояние вызывает желание изменить что-то в своей жизни, мотивируя человека к миграции. Недостижимость значимых ценностей побуждает молодежь искать способы их реализации в других регионах нашей страны.

## Заключение

Молодежь является важнейшим потенциалом развития любого региона и составляет в настоящее время около 1/4 численности населения России, поэтому актуальной задачей молодежной и социально-экономической политики любого города является принятие мер, способствующих снижению миграционного оттока молодежи.

Наше исследование было направлено на выяснение психологических причин миграционных процессов среди молодежи города Комсомольска-на-Амуре. Нами выявлено, что основными условиями, обуславливающими нарастание негативных миграционных процессов молодежи, являются несогласование между ценностями и их доступностью, а также уровень субъективного благополучия.

Исследование показало, что предикторы миграционной активности молодежи обнаруживают себя в области доступности жизненных ценностей: у молодежи, имеющей миграционные установки, обнаружено высокое несогласование между важностью определен-

ных ценностей и их возможностью для реализации почти во всех сферах жизни (личностной, профессиональной и социальной). Рассогласование обнаружено и у молодежи, не имеющей намерения покинуть город, но оно не является таким острым и глубоким, что обеспечивает субъективное благополучие личности и не вызывает состояние внутриличностного конфликта.

Учитывая существенную долю «прагматиков» в составе молодежи г. Комсомольска-на-Амуре, можно говорить о необходимости стимулирования экономических субъектов в целях создания квалифицированных рабочих мест для молодежи, а также развития объектов социальной инфраструктуры города, что позволит сбалансировать реальные условия жизни и ожидания молодежи.

#### Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации (проект № 142/2018Д «Социальные и психологические факторы миграции молодежи города Комсомольска-на-Амуре»).

### ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьева М.В., Шамионов Р.М. Временные соотношения субъектных и личностных проявлений в адаптационном процессе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 9. С. 127–130.
2. Зайончковская Ж.А. Миграции и демографическое будущее Сибири и Дальнего Востока // Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции / Под ред. О. Глезер и П. Поляна. М.: ОГИ, 2005. С. 479–490.
3. Зайончковская Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М.: Центр изучения проблем вынужденной миграции в СНГ, 1999. С. 106–126.
4. Зайончковская Ж.А., Ноздрина Н.Н. Миграционный опыт населения региональных центров России (на примере социального опроса в 10 городах) // Проблемы прогнозирования. 2008. № 4. С. 98–111.
5. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–46.
6. Кузнецова С.А., Орехова А.О. Особенности временных перспектив старшеклассников в миграционно подвижном регионе (на примере Магадана) [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2015. Том 7. № 1. С. 56–68. doi:10.17759/psyedu.2015070106
7. Моисеенко В.М. Территориальное движение населения. М.: Мысль, 1985. 120 с.
8. Российский статистический ежегодник. 2017. М.: Росстат, 2017. 686 с.
9. Сигарева Е.П., Сивоплясова С.Ю. Некоторые аспекты миграционной мотивации российской молодежи // Народонаселение. 2014. № 2. С. 65–71.
10. Фанталова Е.Б. Диагностика внутриличностного конфликта. М.: Фолиум, 1997. 48 с.
11. Фанталова Е.Б. Диагностика ценностей и внутренних конфликтов в общей и клинической психологии [Электронный ресурс] // Клиническая и специальная психология. 2013. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psychclin/2013/n1/58926.shtml> (дата обращения: 03.07.2018)

12. Хомра А.У. Миграция населения: Вопросы теории, методики исследования. Киев: Наукова думка, 1979. 148 с.
13. Шамянов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 4. С. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408
14. Шамянов Р.М. О некоторых преобразованиях структуры субъективного благополучия личности в разных условиях профессиональной социализации // Мир психологии. 2010. № 1. С. 237–249.
15. Ядов В.А. и др. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
16. Яремчук С.В. Субъективное благополучие как компонент ценностно–смысловой сферы личности // Психологический журнал. 2013. № 5. С. 85–95.
17. Acsah C., Medvedev D. Internal migration in Ghana: Determinants and welfare impacts // International Journal of Social Economics. 2012. Vol. 39 (10). P. 764–784. doi: 10.1108/03068291211253386
18. Bell M., Charles–Edwards E. Measuring internal migration around the globe: A comparative analysis. Washington: The World Bank, D.C., 2014. 35 p.
19. Chindarkar N. Is subjective well–being of concern to potential migrants from Latin America? // Social Indicators Research. 2014. Vol. 115 (1). P. 159–182. doi: 10.1007/s11205–012–0213–7
20. Creighton M.J. The role of aspirations in domestic and international migration // The Social Science Journal. 2013. Vol. 50 (1). P. 79–88. doi: 10.1016/j.soscij.2012.07.006
21. Cui C., Geertman S., Hooimeijer P. The mediating effects of parental and peer pressure on the migration intentions of university graduates in Nanjing // Habitat International. 2016. Vol. 57. P. 100–109. doi: 10.1016/j.habitatint.2016.05.010
22. Deotti L., Estruch T. Addressing rural youth migration at its root causes: a conceptual framework. Rome: Rural Development FAO, 2016. 60 p.
23. Frieze I.H. et al. Psychological factors in migration and place attachment in Slovene students // Anthropos: Journal of Psychology, Philosophy, and for the Cooperation of Humanistic Studies. 2011. Vol. 3–4 (223–224). P. 179–191.
24. Gavonel M.F. Patterns and drivers of internal migration among youth in Ethiopia, India, Peru and Vietnam [Electronic resource]. Oxford: Young Lives, 2017. URL: <https://www.younglives.org.uk/sites/www.younglives.org.uk/files/YL-WP169-Gavonel.pdf> (Accessed: 03.07.2018).
25. International Migration Report 2017: Highlights. New York: United Nations, 2017. 30 p.
26. International wellbeing index: Translation made by Dr. Ekaterina Uglanova [Electronic resource]. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf> (Accessed: 03.07.2018).
27. Li M. et al. Reasons for leaving home: Comparing predictors of wanting to migrate and travel in Croatian undergraduates // Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes). 2012. Vol. 28 (1). P. 7–27.
28. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. Centro Studi Luca d’Agliaano // Development Studies Working Paper. 2016. Vol. 409. P. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097

29. Nowok B. et al. Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective wellbeing // Environment and Planning A. 2013. Vol. 45 (4). P. 986–1002. doi: 10.1068/a45287
30. Otrachshenko V., Popova O. Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe // The Journal of Socio–Economics. 2011. Vol. 48. P. 40–49. doi: 10.1016/j.socec.2013.09.008
31. Roman M., Vasilescu M.D. Explaining the migration intentions of Romanian youth: Are teenagers different? // Romanian Statistical Review. 2016. Vol. 64 (4). P. 69–86.

## Components of value-semantic sphere of personality as predictors of migration intentions among the youth (on the example of Komsomolsk-on-Amur)

A. V. BAKINA\*,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,  
Komsomolsk-on-Amur, Russia, bakina\_anna@mail.ru*

O. A. ORLOVA\*\*,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,  
Komsomolsk-on-Amur, Russia, olga\_shishmareva@mail.ru*

S. V. YAREMTCHUK\*\*\*,

*Amur State University of Humanities and Pedagogy,  
Komsomolsk-on-Amur, Russia, svj@rambler.ru*

*The article is devoted to the study of migration intentions among young people in Komsomolsk-on-Amur. The study tested two hypotheses: 1) differences between groups of young people with different migration activity will be manifested in the mismatch between values and their accessibility, as well as in the level of subjective well-being; 2) components of the value-semantic sphere are predictors of migration intentions among young people. The sample group included 130 subjects aged 16–25 years (mean age 23.1 years). To explore value-semantic sphere was used the methodology of E.B. Fantalova “level of correlation between “value” and “accessibility” in various*

### For citation:

Bakina A.V., Orlova O.A., Yaremtchuk S.V. Components of value-semantic sphere of personality as predictors of migration intentions among the youth (on the example of Komsomolsk-on-Amur). *Sotsial'naiia psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2019. Vol. 10. no. 2, pp. 95–113. (In Russ., abstr. in Engl.). doi:10.17759/sps.2019100208

\* Bakina Anna V. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, bakina\_anna@mail.ru

\*\* Orlova Olga A. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, olga\_shishmareva@mail.ru

\*\*\* Yaremtchuk Svetlana V. — PhD in Psychology, Associate Professor, Amur State University of Humanities and Pedagogy, Komsomolsk-on-Amur, Russia, svj@rambler.ru



spheres of life” and the Index of personal well-being. The results of the study showed that 26% of young people are not going to change their place of residence, 22% – are going to leave the city. Step-by-step regression analysis allowed us to identify explanatory models that predict the migration activity of young people. Subjective well-being is the most significant predictor of migration intentions (28% of variance). The second place is occupied by the sharpness of the mismatch between the importance of values and their subjective accessibility (26% of the variance).

**Keywords:** migration intentions, predictors, subjective well-being, values, intrapersonal conflict, youth.

#### Funding

This work was supported by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (project №142/2018D «Social and psychological factors of youth migration in Komsomolsk-on-Amur»)

#### REFERENCES

1. Grigor'eva M.V., Shamionov R.M. Vremennye sootnosheniya sub#ektnyh i lichnostnyh proyavlenij v adaptacionnom processe [Temporal correlations of subject and personal displays in adaptation process]. *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University]*, 2009, no. 9, pp. 127–130.
2. Zajonchkovskaja Zh.A. Migracii i demograficheskoe budushhee Sibiri i Dal'nego Vostoka [Migrations and the demographic future of Siberia and the Far East]. In Glezer O., Poljana P. (eds) *Rossija i ee regiony v XX veke: territorija – rasselenie – migracii [Russia and its regions in the 20th century: territory – resettlement – migration]*. Moscow: Publ. OGI, 2005, pp. 479–490.
3. Zajonchkovskaja Zh.A. Rossiya: migracija v raznom masshtabe vremeni [Russia: Migration in Different Scale of Time]. Moscow: Centr izucheniya problem vyzhdennoj migracii v SNG, 1999, pp. 106–126.
4. Zajonchkovskaja Zh.A., Nozdrina N.N. Migracionnyj opyt naselenija regional'nyh centrov Rossi (na primere social'nogo oprosa v 10 gorodah) [Migration experience of the population of the regional centers of Russia (on the example of social survey in 10 cities)]. *Problemy prognozirovaniya [Studies on Russian Economic Development]*, 2008, no. 4, pp. 98–111.
5. Kuznetsova S.A. Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research. *Sotsial'naja psikhologija i obshchestvo [Social Psychology and Society]*, 2013. no. 4, pp. 34–46. (In Russ., abstr. in Engl.).
6. Kuznetsova S.A., Orekhova A.O. Features of Time Perspectives in High School Students in the Migration Mobility Region (on Example of Magadan) [Elektronnyj resurs]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie psyedu.ru [Psychological Science and Education psyedu.ru]*, 2015. Vol. 7, no. 1, pp. 56–68. doi:10.17759/psyedu.2015070106. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Moiseenko V.M. Territorial'noe dvizhenie naselenija [Territorial movement of the population]. Moscow: Mysl', 1985. 120 p.

8. Rossijskij statističeskij ezhegodnik [Russian statistical yearbook]. Moscow: Rossta, 2017. 686 p.
9. Sigareva E.P., Sivopljasova S. Yu. Nekotorye aspekty migracionnoj motivacii rossijskoj molodezhi [Some aspects of migration motivation of Russian youth]. *Narodonaselenie [Population]*, 2014, no. 2, pp. 65–71.
10. Fantalova E.B. Diagnostika vnutrilichnostnogo konflikta [Diagnosis of internal conflict]. Moscow: Folium, 1997. 48 p.
11. Fantalova E.B. Diagnostics of values and internal conflicts in the general and clinical psychology [Elektronnyi resurs]. *Kliničeskaja i spetsial'naja psikhologija [Clinical Psychology and Special Education]*, 2013. Vol. 2, no. 1 (In Russ., abstr. in Engl.) URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2013/n1/58926.shtml> (Accessed: 03.07.2018)
12. Homra A.U. Migracija naselenija: Voprosy teorii, metodiki issledovanija [Population Migration: Issues of Theory, Research Methods]. Kiev: Naukova dumka, 1979. 148 p.
13. Shamionov R.M. Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naja psikhologija i obščestvo [Social Psychology and Society]*, 2015. Vol. 6, no. 4, pp. 109–122. doi:10.17759/sps.2015060408. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Shamionov R.M. O nekotoryh preobrazovanijah struktury sub#ektivnogo blagopoluchija lichnosti v raznyh uslovijah professional'noj socializacii [Subjective Well-being of Personality as a Subject of Socialexistence]. *Mir psihologii [World of psychology]*, 2010, no. 1, pp. 237–249.
15. Jadov V.A. [i dr.] Samoreguljacija i prognozirovanie social'nogo povedenija lichnosti: Dispozicionnaja koncepcija [Self-regulation and prediction of social behavior: Dispositional concept]. Moscow: Publ. CSPiM, 2013. 376 p.
16. Jaremtchuk S.V. Sub#ektivnoe blagopoluchie kak komponent cennostno-smyslovoj sfery lichnosti [Subjective well-being as a part of self-regulation system based on personal values]. *Psihologičeskii žurnal [Psikhologičeskii Žurnal]*, 2013, no. 5, pp. 85–95.
17. Ackah C., Medvedev D. Internal migration in Ghana: Determinants and welfare impacts. *International Journal of Social Economics*, 2012. Vol. 39 (10), pp. 764–784. doi: 10.1108/03068291211253386
18. Bell M., Charles-Edwards E. Measuring internal migration around the globe: A comparative analysis. Washington: The World Bank, D.C., 2014. 35 p.
19. Chindarkar N. Is subjective well-being of concern to potential migrants from Latin America? *Social Indicators Research*, 2014. Vol. 115 (1), pp. 159–182. doi: 10.1007/s11205-012-0213-7
20. Creighton M.J. The role of aspirations in domestic and international migration. *The Social Science Journal*, 2013. Vol. 50 (1), pp. 79–88. doi: 10.1016/j.soscij.2012.07.006
21. Cui C., Geertman S., Hooimeijer P. The mediating effects of parental and peer pressure on the migration intentions of university graduates in Nanjing. *Habitat International*, 2016. Vol. 57, pp. 100–109. doi: 10.1016/j.habitatint.2016.05.010
22. Deotti L., Estruch T. Addressing rural youth migration at its root causes: a conceptual framework. Rome: Rural Development FAO, 2016. 60 p.

23. Frieze I.H. et al. Psychological factors in migration and place attachment in Slovene students. *Anthropos: Journal of Psychology, Philosophy, and for the Cooperation of Humanistic Studies*, 2011. Vol. 3–4 (223–224), pp. 179–191.
24. Gavonel M.F. Patterns and drivers of internal migration among youth in Ethiopia, India, Peru and Vietnam [Elektronnyi resurs]. Oxford: Young Lives, 2017. URL: <https://www.younglives.org.uk/sites/www.younglives.org.uk/files/YL-WP169-Gavonel.pdf> (Accessed: 03.07.2018)
25. International Migration Report 2017: Highlights. New York: United Nations, 2017. 30 p.
26. International wellbeing index: Translation made by Dr. Ekaterina Uglanova [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.acqol.com.au/uploads/pwi-a/pwi-a-russian.pdf> (Accessed: 03.07.2018)
27. Li M. et al. Reasons for leaving home: Comparing predictors of wanting to migrate and travel in Croatian undergraduates. *Migracijske Teme (Migration and Ethic Themes)*, 2012. Vol. 28 (1), pp. 7–27.
28. Manchin M., Orazbayev S. Social networks and the intention to migrate. Centro Studi Luca d'Agliano. *Development Studies Working Paper*, 2016. Vol. 409, pp. 1–50. doi: 10.2139/ssrn.2974097
29. Nowok B. et al. Does migration make you happy? A longitudinal study of internal migration and subjective wellbeing. *Environment and Planning A*, 2013. Vol. 45 (4), pp. 986–1002. doi: 10.1068/a45287
30. Otrachshenko V., Popova O. Life (dis)satisfaction and the intention to migrate: Evidence from Central and Eastern Europe. *The Journal of Socio–Economics*, 2011. Vol. 48, pp. 40–49. doi: 10.1016/j.socec.2013.09.008
31. Roman M., Vasilescu M.D. Explaining the migration intentions of Romanian youth: Are teenagers different? *Romanian Statistical Review*, 2016. Vol. 64 (4), pp. 69–86.